

Как в первый раз

• ВОСКРЕСНАЯ ВСТРЕЧА

Сов. Киргизия. - Фрунзе. - 1990. - 25 февр.



Ее первый театральный занавес был бабушкиным покрывалом, привязанным к двум кукурузным стеблям. Именно там, на небольшой площадке среди кукурузного массива, сыграла народная артистка республики, актриса Киргизского академического драмтеатра Миранда Далбаева свою первую роль, и зрители, сельские сверстники из бабушкиного аила, одарили ее первыми аплодисментами. Сейчас Далбаева — известный мастер сцены, более тридцати лет происходит ее ежевечерние свидания с поклонниками театра, недавно отметила она свой золотой юбилей новой работой в драме Б. Жакиева «Давайте беречь друг друга». Сегодня Миранда Осконбаевна гость редакции.

— Выбрать профессию, дело жизни можно, как и в любви, с первого взгляда или после мучительных раздумий и поисков, как было у вас?

— Как женщина, как человек я обожаю профессию врача. Может быть, поэтому после школы поступила в медицинское училище. Но театр любила еще со школы, старалась не пропускать ни одной премьеры в Кирдраме, до сих пор в памяти игра Б. Кадыкеевой в «Курманбеке» и Д. Куоковой в спектакле «Жаныл». Они были кумирами моей юности. В училище занималась в танцевальном кружке, и вот на репетиции большой программы к Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве в зал вошли режиссеры киностудии «Киргизфильм»: снимали картину «Моя ошибка» и они отбирали исполнителей для кинопроб. Постановщик ленты А. Кобозев, уже уходя из зала, еще раз посмотрел на нас, и мы с ним встретились взглядами. Он подошел, поговорил со мной, и я оказалась в числе нескольких счастливчиков, кого пригласили на пробы. Позже я узнала, что утверждена на главную роль Гульджан. И все же, главное было впереди, ведь родители мои ничего об этом не знали. Поначалу они сопротивлялись, но бывший

тогда министром культуры Казакбаев уговорил отца, и судьба ввела меня на актерскую стезю. В картине я снялась вместе с М. Рыскуловым, А. Тюменбаевым, А. Боталиевым и считаю себя счастливой, что осталась на пленке вместе с ними, ведь они были китами того времени, родоначальниками. Я с ними сдружилась, и вот уже после фильма, когда продолжила учебу, к нам домой пришли директор Кирдрамы А. Иззбаев, режиссер И. Боров, М. Рыскулов и стали просить родителей отпустить меня в театр. Отец сказал: «Ответь при них, хочешь или нет, чтобы потом не обижалась». Я решилась, и меня приняли в коллектив Кирдрамы.

— Говорят, что даже свою свадьбу вы сыграли в стенах театра?

— Спустя полгода моего пребывания в театре туда пришло свежее пополнение из ГИТИСа, среди которых был С. Далбаев, нашу группу слили с ними. Мы вместе репетировали, учились у них, за плечами гитисовцев была прекрасная школа. Я увидела Сатыбалды в роли Гриши Незнамова в спектакле «Без вины виноватые» и... влюбилась, сильнее впечатление за все мои годы на сцене я не перенесла. В этой роли он просто покорял зрителя. Что

интересно, вскоре у нас состоялись гастрольные спектакли МХАТа и М. Яншин, видевший выпускной спектакль киргизской группы ГИТИСа и плененный в нем игрой исполнителя роли Незнамова, стал его разыскивать: прославленный актер был тогда председателем выпускной Госкомиссии. Словом, в театре о наших отношениях узнали и стали подшучивать: «Давай, Далбаев, а то «уворует» кто-нибудь Миру». В общем, это была первая и единственная за всю историю театра свадьба в его стенах. Для меня это незабываемо. До сих пор помню элегантную, изящную Бакен Кадыкееву, которая только что вернулась из Индии и привезла оттуда такой дефицитный в середине шестидесятых капрон. И когда она воистину царственным жестом накрыла им меня, я была похожа на белую лебедь. Это было то прекрасное мгновение, которых в жизни у каждого не так много, и потому они так запоминаются. И, может быть, мы так счастливы и живем с мужем уже тридцать лет, что добрый и искренний импульс этому был положен на той необычной свадьбе в родном театре.

— У вас трое детей, а продолжил ли кто-то из них актерскую традицию?

— Две мои дочери Айгуль и Айнура снимались в кино, причем с Айгуль мы играли вместе в картине «Тринадцатый внук», я — мать, она — дочь. Но я детям сказала, что в искусстве работать чрезвычайно трудно и повторять тот сложный путь, что выпал родителям, не надо. Наверное, убедила, хотя девочки одаренные. Сын Айбек, пока школьник, но очень пластичный, прекрасно танцует, имеет хороший голос, актерские способности у него несомненные. Он мечтает о профессии юриста, а как все сложится, поживем — увидим...

— Актерскую дорогу вы начинали с кино, а дебют в театре, назовите о нем!

— Здесь тоже все свершилось неожиданно. Ставили пьесу К. Эшмамбетова «Близнецы». Одну из близнецов — Мундук играла актриса Зуура Осмонова. Она заболела, и ассистент режиссера предложил мне заменить ее. На репетициях я была, а вот текста не знала. Срочно надо было учить, вечером шел спектакль. Пришла пораньше, уже стояли де-

корации, и актеры, игравшие моих родителей, тоже были вызваны режиссером. Мы прошли мизансцены, что-то получились. И все же, когда спектакль начался, я так волновалась, что забыла про свой выход, меня просто подтолкнули на сцену. Все остальное шло, словно во сне. Опомилась лишь тогда, когда кто-то меня целовал и поздравлял. Мне было семнадцать лет, и моей героине тоже, видимо, все так натурально вышло, что произвело впечатление на зрителя и на коллег.

— Каждый артист находит ключ к образу, вдохновляется совершенно индивидуально, как это происходит с вами?

— В большинстве помогает какой-то случай: событие, неожиданность. Хотя с годами приходит опыт, и что-то стараясь сделать сознательно, подготовить себя, что-либо прочесть, взять из наблюдения, послушать советы коллег. На репетиции «Вишневого сада», который ставил московский режиссер А. Хейфиц, мне показалось, что во время моего монолога кто-то фыркнул. Ситуация задела меня и расстроила, так как этот самый эпизод роли Раневской давался плохо. Режиссер закончил репетицию, а я не могу встать со стула. Слезы текут ручьем, словом, плачу, как маленькая. И здесь подошел Хейфиц и сказал: «Мира, сосредоточься и себя на этом останови. Ведь Раневская такая, легкоранимая, взбалмошная, сорила деньгами, не считая их, и в то же время страшно любила дочь и своих близких. Вот именно это зафиксируй». Он сказал и ушел, а я осталась одна и что-то говорила себе. А потом, начиная репетиции, вспоминала этот эпизод, отсюда я нашла ключ к образу.

В спектакле «Судьба отца» по пьесе Б. Жакиева я играла дочь, а Муратбек Рыскулов отца. Мы репетировали сцену, где, вбегая, я произносила фразу: «Отец, отец, приехал сын твой!». Рыскулов стоял задумчиво и держал в руках комуз, никак на крик не реагируя. Я испугалась, Рыскулова все уважали за талант, его авторитет был велик. От испуга заплакала и сквозь слезы крикнула еще раз. Он тогда повернулся ко мне, я увидела его слезы, ведь в руках он держал комуз сына, погибшего на фронте, а я кричала без нутра, без ни-

чего. Актерская и педагогическая мудрость Рыскулова помогла поймать нужную тональность. Такие моменты и являются началом образа. В основном так и происходит, а запланировать: тут заплачу, а тут засмеюсь — это путь неверный.

— На творческом пути всегда есть работы — вехи, этапные, что ли, роли, были ли они у вас?

— Я много переиграла героинь, красавиц, ханш, цариц, королев, памятных из них роли в спектаклях: «Всеми забытый», «Ак-Бозат», «Король Лир», где играла вместе с М. Рыскуловым. Словом, какая-то возвышенность, классическая манера поведения наполняли эти роли. Здесь важно было не только играть то, что положено образом, но и костюм показать, отметить каждую складку, пуговицу. Это качество редкое, возможно, мне такое удается.

Были и другие роли. Из русской классики отмечу Каринкину из спектакля «Без вины виноватые», Агафью Тихоновну из гоголевской «Женитьбы», конечно же, Раневскую, где шла от своей сути, от своего понимания этой женщины, быть может, отступая от уже классических канонов исполнения роли.

Если брать национальную драматургию, то в первую очередь назвала бы роль Джапаркуль в «Дочери Атабека» Т. Абдумомунова. На пьесах этого мастера киргизской драматургии держался наш театр, и его заслуга неопределима. Среди других ролей Джамиля по Ч. Айтматову, Алимана в «Материнском поле», Анвар в «Восхождении на Фудзияму». Все они потребовали трудной работы, сил и таланта. Из последних вещей — роли в драматургической трилогии Ж. Садыкова «Семетей — сын Манаса», «Сейтек» и последняя — Каныкей в «Манасе». Работа над ней идет, ставит спектакль Б. Ибраев. Когда постановка будет закончена, то планируется в течение трех вечеров показывать всю трилогию.

— Кого вам легче играть, героини, которые чем-то на вас похожи, или отвлеченный образ?

— В спектакле «Эхо» по пьесе Б. Омуралиева я играла роль Арапаевой, сильной, волевой женщины, которая вместе с другими рыла траншею для прокладки кабеля через перевал Когарт. Вот в ней надо было найти то, чего во мне нет. У моей героини убили мужа, но она, собрав силы, руководит еще ста женщинами в голод и холод военного лихолетья, никому не

показывая, что устала или замерзла. Ей тепло от мысли, что она делает что-то для Победы. По ночам, при свече читая в шалаше письмо убитого мужа, она навзрыд плачет, одна, без свидетелей. Чтобы сыграть точно, надо было уйти от себя: от светскости, воздушности, сановности, стать простой, земной женщиной. И как каждая роль имеет свою биографию, так и тут толчок к образу я нашла в своих детских воспоминаниях.

Мой отец Осконбек Манапаев воевал, жили мы тогда во Фрунзе на Первомайской улице, и конечно же, с нетерпением ждали его возвращения. Однажды в дверь постучали, и когда мама открыла, то увидела двух солдат, которые под руки ввели истощенного и слабого отца, он был на костылях. Мать схватила меня спящую. Я не узнала отца и закричала: «Уходи, то не мой папа, мой с ногами!». Все зарыдали, а у него в мешке лежал сахар, он вез его мне с войны. Отец достал его, я взяла и ела гостинец, сидя на его единственной ноге. Этот случай, о котором рассказала мне мать, всегда вспоминаю, играя роль Арапаевой. Уже перед началом слезы набегают на глаза, я выхожу и становлюсь «железной» женщиной, из тех, что в тылу ковали нашу общую Победу.

— С годами труднее играть или опыт выручает?

— В моем творчестве сейчас переходный, переломный момент. Раньше исполняла роли молодых героинь, девушек, а теперь пора переходить к возрастным ролям. Конечно, опыт есть, но все же такой период всегда идет болезненно. Хотела бы сыграть Вассу Железнову. Мне будет легче, актерский опыт придет на помощь, но ведь роль — такая глыба, на исполнителя возлагается огромная ответственность. И тут надо, как в первый раз, снова искать ключ, а возраст и опыт только как подспорье в его поисках, и никто кроме тебя этого не сделает. Наша профессия тем восхитительна и сложна, что пока мы в ней, то в любую роль входим как ученики, а выходим из нее, если она получалась и зритель любил и принял, учителями. И так всю творческую жизнь!

Беседовал
А. ШЕПЕЛЕНКО.

НА СНИМКЕ: М. Далбаева в роли Каныкей в спектакле «Семетей — сын Манаса».

Фото В. Кириенко.